Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-289-295

МАРКОВ Роман Станиславович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: rsm-94@yandex.ru

ЧЕПРАСОВА Юлия Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: cheylia@mail.ru

ЗОЛОТАРЕВА Анастасия Викторовна,
студент Института истории, права и общественных наук,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: zolotarva.nastena@list.ru

МУБАРАКОВА Анастасия Александровна,
студент Института истории, права и общественных наук,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: anastasia.mubarakova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы квалификации оскорбления представителя власти (ст. 319 Уголовного кодекса РФ) в условиях цифровой коммуникации. Анализируется трансформация признака публичности в сети Интернет, включая зависимость от технических настроек интернет-площадок и различия между открытыми и закрытыми каналами коммуникации. Особое внимание уделяется отдельным аспектам доказывания (фиксация цифровых следов, идентификация потерпевшего, лингвистическая оценка материалов) и дискуссии о дифференциации ответственности за размещение публикаций в сети Интернет. Сделан вывод, что публичность должна определяться объективной доступностью высказывания третьим лицам, а не самим фактом использования цифровой среды.*

Ключевые слова: *представитель власти, оскорбление, публичность, цифровая коммуникация, сеть Интернет, квалификация преступлений.*

MARKOV Roman Stanislavovich,
PhD in Law, Associate Professor
of Department of State and Legal Disciplines,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

CHEPRASOVA Yuliya Vladimirovna,
PhD in Law, Associate Professor
of Department of State and Legal Disciplines,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

ZOLOTAREVA Anastasiya Viktorovna,
Student of Institute of History, Law and Social Sciences,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

MUBARAKOVA Anastasiya Aleksandrovna,
Student of Institute of History, Law and Social Sciences,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

FEATURES OF THE LEGAL QUALIFICATION OF OFFENCES AGAINST THE HONOUR AND DIGNITY OF A REPRESENTATIVE OF AUTHORITY IN THE CONTEXT OF DIGITAL COMMUNICATION

Annotation. *This article examines issues in the legal qualification of insulting a representative of authority (Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation) in the context of digital communication. It analyses how the element of publicity is transformed online, including its dependence on the settings of online platforms and the distinction between open and closed communication channels. Particular attention is paid to evidentiary matters (preservation and procedural authentication of digital traces, identification of the victim, and linguistic assessment of materials), as well as to the scholarly debate on differentiating criminal liability for online dissemination. The article concludes that publicity should be determined by the objective accessibility of a statement to third parties, rather than by the mere use of a digital medium.*

Key words: *representative of authority, insult, publicity, digital communication, Internet, legal qualification of offences.*

Уголовно-правовая охрана чести и достоинства представителя власти относится к сфере правового регулирования, в которой соприкасаются частные и публичные интересы. С одной стороны, она основана на признании личности самостоятельной правовой ценностью и на гарантии уважения достоинства, включая защиту от унижающего обращения. С другой стороны, такие посягательства затрагивают публичную сферу, поскольку связаны с осуществлением властных полномочий и требуют определения допустимых пределов конфликтного высказывания и критики. В делах о вербальных посягательствах поведение виновного затрагивает личную сферу потерпевшего и одновременно предполагает правовую оценку соразмерности ограничения свободы выражения мнения.

Достоинство личности в конституционно-правовом регулировании закреплено как охраняемая государством ценность и не подлежит умалению, в т.ч. при осуществлении публичной власти. В научной литературе отмечается, что данное положение носит императивный характер и ориентирует отраслевое законодательство на формирование механизмов, предотвращающих унижающее обращение и иные формы публичного унижения. Подчеркивается, что «гарантированность конституционных положений предполагает такую их обеспеченность в отраслевом законодательстве, которой достаточно для результативной реализации» [1]. Уголовно-правовая охрана не является универсальным средством разрешения конфликтов, связанных с защитой чести, достоинства и деловой репутации, и применяется к наиболее общественно опасным формам посягательства. К ним относятся случаи, когда унижение носит публичный характер, совершается с прямым умыслом на унижение личности либо связано с воспрепятствованием осуществлению публично значимой функции потерпевшего.

Современный этап развития общества, связанный с повсеместной цифровизацией, обусловил перенос значительной части социального взаимодействия и процессов самопрезентации личности в цифровую среду. Такое нематериальное благо, как человеческое достоинство, в этих условиях все чаще оказывается уязвимым в сети Интернет. Учетные записи в социальных сетях, персональные профили и формируемая на их основе репутация образуют цифровое представление личности, которое становится объектом как самовыражения, так и противоправных посягательств.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена цифровой трансформацией публично-правовой сферы: значительная часть конфликтных коммуникаций переместилась в сеть Интернет, где публичность определяется режимом доступа, перепубликациями и алгоритмами распространения, а унижение все чаще выражается сочетанием изображения и текста, смысл которого раскрывается в контексте. Традиционное понимание публичности как признака состава преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса РФ «Оскорбление представителя власти», в доцифровую эпоху опиралось на относительно устойчивые критерии – наличие свидетелей, открытый характер места совершения деяния и непосредственное восприятие происходящего неопределенным кругом лиц, вследствие чего высказывание было доступно третьим лицам в момент его произнесения.

Однако развитие информационно-телекоммуникационных сетей привело к тому, что категория публичности перестала быть однородной. Если ранее правоприменитель, как правило, решал вопрос о наличии либо отсутствии публичного характера высказывания в рамках сравнительно устойчивых фактических моделей, то в цифровой среде требуется устанавливать конкретные параметры распространения – формат доведения высказывания до аудитории, круг лиц, имевших к нему доступ, и потенциальный охват восприятия. В результате возникает необходимость решать новые квалификационные задачи, поскольку публичность как конструктивный признак состава преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса РФ, реализуется через различные технико-организационные модели коммуникации.

В связи с этим неоднородность цифрового пространства – от открытых профилей до закрытых чатов – требует выработки критериев оценки, позволяющих отграничить публичное унижение от приватного конфликта, а уголовно наказуемое деяние – от административного правонарушения.

Кроме того, цифровая коммуникация изменила не только масштаб распространения высказываний, но и характер доказывания по делам об оскорблении представителя власти. В конфликтах, происходящих вне цифровой среды, публичность и адресность, как правило, устанавливаются на основе свидетельских показаний и непосредственного восприятия происходящего. В сети Интернет публичность обусловлена техническими и организационными параметрами интернет-площадки, на которой размещены материалы, включая настройки доступа, режим распространения, повторного размещения и сохранение публикаций, наличие и сохранность цифровых следов. В результате правоприменитель, сталкиваясь с реализацией формально единого признака публичности в различных фактических моделях, должен исходить из единых критериев оценки, позволяющих установить, были ли материалы объективно доступны неопределенному кругу лиц, кто мог их воспринимать и в какой мере способ распространения обеспечивал публичный характер унижающего высказывания.

Действующая редакция ст. 319 Уголовного кодекса РФ содержит единую диспозицию и не подразделяется на части, поэтому в рамках данной нормы отсутствуют квалифицированные и особо квалифицированные составы. В связи с этим обсуждение возможных квалифицирующих признаков в научной литературе носит преимущественно теоретико-нормотворческий характер и сводится к вопросу о том, оправдано ли выделение квалифицированного состава за оскорбление, совершенное с использованием средств массовой информации либо сети Интернет, по аналогии с рядом иных преступлений, где распространение через публичные каналы рассматривается как фактор повышенной общественной опасности. Так, А.Ф. Муксинова и Е.А. Кинчина предлагают рассматривать модернизацию ст. 319 Уголовного кодекса РФ с учетом интернет-публичности и связанных с ней доказательственных трудностей, включая возможность законодательного уточнения признака публичности и способов распространения унижающих высказываний [2]. Их позиция основывается на том, что размещение публикации в цифровой среде способно обеспечить значительно более широкий охват аудитории по сравнению с высказыванием, сделанным в локальном конфликте, вследствие чего фактическая интенсивность посягательства на авторитет публичной власти и достоинство потерпевшего может возрастать.

В современной доктрине публичность как оценочная категория объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса РФ, рассматривается в двух плоскостях.

Первая позиция, преобладающая в доктрине и соответствующая действующему нормативному подходу, рассматривает публичность как конститутивный признак состава. При отсутствии публичности состав рассматриваемого преступления отсутствует, и правовая оценка, как правило, осуществляется в рамках административной ответственности (прежде всего по ст. 5.61 КоАП РФ) либо по иным нормам при наличии соответствующих признаков. Такая логика следует из диспозиции уголовного закона и соответствует разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ [3].

Вторая позиция исходит из того, что публичность может проявляться в различной степени и потому способна выступать основанием для дифференциации ответственности в возможной новой редакции нормы. В рамках такой модели базовый состав мог бы охватывать оскорбление представителя власти при исполнении либо в связи с исполнением полномочий и без признака публичности, а квалифицированный состав – публичные формы, прежде всего связанные с распространением через публичные каналы, включая цифровую среду [4]. Обращение к данной идее обусловлено тем, что в фактических конфликтах унижение представителя власти нередко совершается без свидетелей (например, в служебном помещении), при этом воздействие на порядок управления и служебную дисциплину может восприниматься как существенное. Вместе с тем такая реконструкция нормы потребовала бы пересмотра пределов уголовно-правовой охраны и более четкого разграничения с

административной ответственностью. Она объективно повысила бы риск криминализации конфликтных высказываний в ситуациях, где в настоящее время достаточно административно-правовой реакции или дисциплинарного воздействия, поскольку отказ от публичности как обязательного признака способен привести к необоснованному расширению сферы уголовно-правового запрета, что противоречит принципу экономии уголовно-правового воздействия.

С позиции действующего правового регулирования более оправданным представляется сохранение публичности в качестве конститутивного признака состава. Конституционный Суд РФ в определении от 25 апреля 2024 г. № 889-О признал допустимой повышенную уголовно-правовую охрану достоинства представителей публичной власти, увязав применение ст. 319 Уголовного кодекса РФ с унижением, выраженным в неприличной либо иной форме, унижающей честь и достоинство, и с оценкой содержания, формы и способа распространения соответствующих высказываний. Следовательно, публичность выполняет функцию ключевого ограничителя уголовной ответственности, а исключение данного признака из базового состава неизбежно привело бы к существенному расширению сферы уголовно-правового запрета.

Интернет-коммуникация не образует единой модели публичности, что существенно осложняет квалификацию по ст. 319 Уголовного кодекса РФ. Размещение материалов в открытом профиле социальной сети, на публичной странице, в комментариях к новостному материалу или на видеохостинге по своей природе ориентировано на восприятие неопределенным кругом лиц и потому, как правило, позволяет обосновывать публичный характер распространения. Иная ситуация складывается при распространении сообщений в закрытых каналах коммуникации, включая чаты мессенджеров, закрытые группы и иные форматы доступа, ограниченные кругом участников, а равно при направлении личного сообщения непосредственно представителю власти. В таких случаях публичность не может презюмироваться и требует установления конкретных параметров доступа и фактической аудитории, включая выяснение того, имелась ли объективная возможность восприятия содержания третьими лицами либо сообщение было рассчитано исключительно на адресата.

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ связывают признак публичности, в частности, с размещением унижающих материалов в сети Интернет при их объективной доступности неопределенному кругу лиц [3]. Вместе с тем при коммуникации в закрытых цифровых пространствах сохраняется квалификационная неопределенность: следует ли признавать публичность при доведении высказывания до ограниченной группы лиц, доступ к которой обусловлен членством или настройками приватности, либо для уголовно-правовой оценки требуется открытая доступность материала неопределенному кругу лиц.

В научной литературе обращается внимание на то, что формула публичности, используемая в разъяснениях, может толковаться расширительно. В этой связи предлагается более строгий подход, увязывающий публичность с наличием аудитории, способной воспринять высказывание, причем не в единичном числе [5]. Применительно к цифровой среде публичность целесообразно выводить не из формального статуса интернет-площадки, а из объективной доступности материалов третьим лицам и предполагаемого масштаба распространения, который мог предвидеть субъект.

Практика по делам об административных правонарушениях, связанных с оскорблением (ст. 5.61 КоАП РФ), может служить дополнительным ориентиром при оценке цифровой публичности. В обзорах судебной практики Верховного Суда РФ отмечалось, что размещение унижающих выражений в социальных сетях, а в отдельных случаях и в групповых чатах мессенджеров, может рассматриваться как публичное оскорбление для целей КоАП РФ, если сведения доступны другим участникам и фактически доведены до аудитории. Вместе с тем прямое перенесение этого подхода на ст. 319 Уголовного кодекса РФ требует осторожности ввиду различий между уголовной и административной ответственностью, а также различий в требованиях к доказыванию [6]. Таким образом, в цифровой среде решающее значение приобретают характеристики аудитории и объективная доступность материалов третьим лицам, позволяющие установить публичный способ распространения высказывания.

Учитывая, что публичность в сети Интернет неоднородна (открытые профили и закрытые чаты), целесообразно закрепить критерии публичности в цифровой среде в примечании к ст. 319 Уголовного кодекса РФ либо в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Возможная формулировка может быть следующей: «Под публичным распространением сведений в сети Интернет понимается размещение информации, обеспечивающее доступ к ней неопределенного круга лиц, включая открытые учетные записи, публичные страницы, группы и чаты, доступные для просмотра без ограничений либо при таких ограничениях, которые не препятствуют доведе-

нию информации до множества лиц. Направление личных сообщений, доступных только отправителю и адресату, признака публичности не образует».

Оскорбительное личное сообщение, направленное представителю власти при отсутствии доступа третьих лиц, как правило, не содержит признака публичности и, следовательно, не образует состав преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса РФ. В таких случаях правовая оценка обычно производится по ст. 5.61 КоАП РФ при доказанности унижения чести и достоинства, выраженного в неприличной либо иной унижающей форме, либо по иным нормам при наличии дополнительных признаков (в частности, угрозы).

Сложности квалификации возникают при последующей публикации сообщения адресатом или третьими лицами. В таких случаях недостаточно самого факта перепубликации. Оценке подлежат два обстоятельства: мог ли отправитель обоснованно предполагать последующее публичное распространение сообщения и какова была исходная направленность его поведения. Если сообщение направлялось в условиях, при которых объективно предполагалось последующее доведение до аудитории (например, в официальную учетную запись органа власти, предназначенную для публичных обращений), вопрос о публичности подлежит разрешению с учетом способа коммуникации и режима доступа.

Как уже отмечалось, цифровая среда изменяет механизм доказывания публичности и содержания высказывания. С одной стороны, она сохраняет значительный массив цифровых следов (скриншоты, ссылки, метаданные, журналы событий, записи трансляций), с другой – такие следы легко утрачиваются, изменяются и оспариваются, что повышает требования к их процессуальному закреплению. В этой связи особое значение приобретают надлежащие способы фиксации, включая осмотр интернет-страницы с участием специалиста, указание URL-адреса, времени доступа и режима приватности, отражение идентификационных данных учетной записи, сбор сведений о доступности и распространении материалов, в т.ч. о просмотрах, комментариях и репостах. Отдельного внимания требует оценка оскорбительности, адресности и контекста в цифровой коммуникации. В литературе подчеркивается значение лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз, особенно при анализе иллюстраций, визуального монтажа и иных комбинированных форм передачи смысла [7]. В цифровой среде унижение, выраженное в неприличной либо иной форме, унижающей честь и достоинство, может проявляться не только в обсценной лексике, но и в изображениях, коллажах, видеоматериалах, унижающих подписях, а также в сочетании текста с аудиорядом, формирующим унизительный смысл в совокупности.

Для квалификации по ст. 319 Уголовного кодекса РФ необходимо установить адресность унижения конкретному представителю власти, а не лишь выражение негативного отношения к публичной власти в целом. В цифровой среде широко распространены обобщенные высказывания, которые могут носить резко отрицательный характер, однако без идентификации конкретного лица – адресата они не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса РФ. Напротив, указание фамилии, должности, места службы, обстоятельств конкретного служебного эпизода (например, задержания), а равно публикация фото- или видеоматериалов, позволяющих идентифицировать потерпевшего, как правило, свидетельствуют об адресности высказывания. В литературе отмечается, что отсутствие надлежащей идентификации потерпевшего является одной из типичных причин прекращения уголовного преследования либо отказа в возбуждении уголовного дела с последующей квалификацией содеянного как административного правонарушения [8].

Учитывая, что цифровая коммуникация нередко носит трансграничный характер, актуальной является проблема определения места совершения деяния и, как следствие, применимого законодательства. Для квалификации по ст. 319 Уголовного кодекса РФ практическое значение имеют не столько международно-правовые конструкции, сколько прикладные критерии привязки интернет-деяния к месту совершения действий по размещению материалов, месту нахождения лица, осуществившего публикацию, месту фактического доступа к материалам и месту проявления общественно значимого эффекта, выраженного в публичной доступности унижающей информации. В сравнительно-правовой литературе обращается внимание на различия подходов к квалификации рассматриваемого деяния в разных странах. При этом в большинстве из них ключевыми остаются два элемента: объективная доступность материалов аудитории на территории государства и наличие достаточной территориальной связи, позволяющей применить законодательство соответствующего государства [9].

Подводя итог настоящему исследованию, следует отметить, что вопрос о корректировке действующей нормы ст. 319 Уголовного кодекса РФ регулярно обсуждается в научной литературе и правоприменительной практике. Высказываются разнонаправленные предложения – от уси-

ления ответственности за оскорбление представителя власти, совершенное с использованием сети Интернет, до переноса соответствующих деяний в сферу административных правонарушений [10]. Сам факт появления таких предложений отражает восприятие цифрового способа распространения как обстоятельства, способного расширять аудиторию унижающего высказывания и усиливать конфликтный потенциал, тогда как действующая конструкция ст. 319 Уголовного кодекса РФ не предусматривает дифференциации ответственности по способу совершения. По нашему мнению, выбор направления возможных изменений должен опираться не на оценочную реакцию на содержание высказываний, а на требования правовой определенности и соразмерности. Уголовно-правовой запрет не должен использоваться как универсальный инструмент реагирования на агрессивные формы коммуникации при отсутствии оснований для криминализации, вытекающих из характера и степени общественной опасности деяния.

Таким образом, публичность по ст. 319 Уголовного кодекса РФ при распространении высказывания в сети Интернет должна устанавливаться исходя из объективной доступности содержания третьим лицам и способа распространения, а не из самого факта использования цифровой среды. Оскорбительные высказывания, направленные в личные сообщения при отсутствии доступа третьих лиц, как правило, не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса РФ, и подлежат оценке в рамках административной ответственности. Ключевые вопросы доказывания связаны с надлежащей фиксацией цифровых следов, идентификацией потерпевшего, разграничением утверждений о фактах и оценочных суждений, а также с установлением неприличной либо иной формы, унижающей честь и достоинство, как признака, позволяющего отграничить уголовно наказуемое унижение от допустимой критики.

Проведенный анализ позволяет заключить, что развитие цифровых коммуникаций не отменило классические принципы уголовного права, но потребовало уточнения их содержания применительно к новым формам информационного обмена. Публичность как обязательный признак состава преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса РФ, в сети Интернет перестала быть однородной. Ключевой вывод исследования состоит в том, что сам по себе факт использования цифровой среды не может автоматически приравниваться к публичному оскорблению. Решающее значение имеют объективные параметры, к которым относятся настройки доступа, количественные и качественные характеристики аудитории, фактическая возможность восприятия информации неопределенным кругом лиц и предвидение такого восприятия субъектом. Действующая редакция ст. 319 Уголовного кодекса РФ, не предусматривающая квалифицированных составов, сохраняет потенциал адаптации, поскольку единая диспозиция позволяет охватывать различные формы цифровой публичности при условии надлежащего толкования закона и учета разъяснений высшей судебной инстанции.

Список литературы:

[1] Кленова Т.В. Трудный путь института уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности, или проблемы целеполагания // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 2. С. 48–56. DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-48-56.

[2] Муксинова А.Ф., Кинчина Е.А. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти (статья 319 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 8. № 1. С. 53–57.

[3] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 14 // Российская газета. 2023. 9 июня.

[4] Аведян А.А. Виктимологическое предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.4. Краснодар, 2022. 248 с.

[5] Маталаев Ш.З. Признак публичности и некоторые вопросы квалификации преступлений // Образование и право. 2017. № 4. С. 240–244.

[6] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июня 2021 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 10.

[7] Токарчук Р.Е. Проблемы безответственности лиц, непублично оскорбляющих представителей власти в связи с выполнением ими своих служебных задач // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2025. Т. 11. № 2. С. 390–397.

[8] Ермакова О.В. Квалификация преступлений против государственной власти: анализ и оценка следственно-судебной практики // Демидовский юридический журнал. 2024. Т. 14. № 4. С. 418–425. DOI: 10.18255/2949-3439-2024-4-418-425.

[9] Тишук С.П. Подготовка к совершению оскорбления представителя власти с применением средств телекоммуникации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. № 2. С. 67–74.

[10] Декриминализовать 319 статью Уголовного кодекса Российской Федерации / Российская общественная инициатива. URL: http://www.roi.ru/28445/ (дата обращения: 10.02.2026).

References:

[1] Klenova T.V. The Difficult Path of the Criminal Liability Institution for Encroachments on Personal Honor and Dignity, or Problems of Goal-Setting. Legal Bulletin of Samara University. 2021. Vol. 7. No. 2. P. 48–56. DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-48-56.

[2] Muksinova A.F., Kinchina E.A. Criminal Liability for Insulting a Government Official (Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation). Scholarly Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 8. No. 1. P. 53–57.

[3] On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases on Offences Provided for by Articles 317, 318, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 1 June 2023 No. 14. Rossiyskaya Gazeta. 9 June 2023.

[4] Avedyan A.A. Victimological Prevention of Violent Crimes Committed against Employees of Internal Affairs Bodies: PhD (Law) Dissertation. 5.1.4. Krasnodar, 2022. 248 p.

[5] Matalaev Sh.Z. The Element of Publicity and Certain Issues of Qualification of Crimes. Education and Law. 2017. No. 4. P. 240–244.

[6] Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2021): Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 30 June 2021. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2021. No. 10.

[7] Tokarchuk R.E. Problems of Non-Liability of Persons Who Non-Publicly Insult Representatives of Authority in Connection with the Performance of Their Official Duties. Scholarly Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2025. Vol. 11. No. 2. P. 390–397.

[8] Ermakova O.V. Qualification of Crimes against State Authority: Analysis and Assessment of Investigative and Judicial Practice. Demidov Law Journal. 2024. Vol. 14. No. 4. P. 418–425. DOI: 10.18255/2949-3439-2024-4-418-425.

[9] Tishuk S.P. Preparation to Commit an Insult to a Representative of Authority Using Telecommunications Means. Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 2. P. 67–74.

[10] Decriminalize Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation. Russian Public Initiative. URL: http://www.roi.ru/28445/ (accessed: 10 February 2026).

